

мысли Ксенофонта, не столько надсмотрщиками, сколько *организаторами* трудового процесса. Я думаю, что разница между двумя понятиями достаточно отчетлива и показывает принципиальное значение владельца рабовладельческого хозяйства. Крестьянин, использовавший рабский труд, также в первую очередь был организатором, но в отличие от Исхомаха, который действовал только как организатор, он и сам принимал непосредственное участие в труде.

В свое время Е.М. Штаерман³² откликнулась на концепцию цивилизации К. Квилли³³, по мнению которого развитие цивилизации определяется механизмом, обеспечивающим накопление избыточного продукта и использование его на создание нового. Кризис наступает, когда управляющая этим механизмом группа становится консервативной, враждебной новому, что ведет к упадку цивилизации. Механизмы движения в каждой цивилизации своеобразны. В античной цивилизации основу этого механизма составляло рабство. Оно было эффективно, пока господа сами трудились наряду с рабами, хорошо знали процесс производства и могли улучшать его за счет средств, получаемых как непосредственно в результате производства, так и благодаря торговле. Когда же рабовладельцы в силу тех или иных причин устранились от процесса труда, прогресс прекратился, так как господа утратили нужные знания, рабы же в нем совершенно не были заинтересованы. Представляется, что в данном случае мы видим именно ту стадию, когда и в крупных, и в мелких хозяйствах рабовладельцы еще активно участвуют в процессе производства, правда, в крупных – только в роли его организаторов.

Другое критическое замечание касается проблемы кризиса сельского хозяйства Аттики в конце V – начале IV в. до н.э. С.Б. Померой особое значение придает гибели олив и даже полагает, что целое поколение афинян не знало собственного оливкового масла. Думается, это явное преувеличение. Достаточно вспомнить речь Лисия «О священной масле», чтобы сразу понять: ситуация не была столь безотрадной, как это видится нашему автору.

Подводя итоги, мы, видимо, имеем право сказать, что, несмотря на некоторые слабые места, данная работа, безусловно, интересна и заслуживает внимания специалистов. Привлекает сильная критическая направленность книги: «новая ортодоксия» получила удар, парировать который будет весьма трудно. Однако главные достоинства книги находятся в ее позитивных построениях. Благодаря труду С.Б. Померой «Ойкономик» Ксенофонта теперь предстает перед нами как полноценный источник по экономической истории Греции классической эпохи. Важны также высказанные ею мысли о роли домашнего производства в общей структуре хозяйства.

Л.П. Маринович

© 1998 г.

I. NIELSEN. *Hellenistic Palaces. Tradition and Renewal*. Aarhus: Aarhus University Press, 1994 (Studies in Hellenistic Civilization, V). 341 p. 44 pl.

Рецензируемая работа посвящена истории такого интересного и важного со многих точек зрения явления, как эллинистический дворец.

Книга состоит из следующих разделов: «Введение» (главы: «Жизнь при эллинистическом дворе; функции дворца» и «Модели (Египет, Вавилония, Ахеменидская империя, Эллада, Сицилия)»; «Эллинистические дворцы» (главы: «Македония, Фракия и Крым», «Пергам», «Селевкидское царство», «Царство Птолемеев», «Иудея»); «Ранние римские дворцы» (главы: «Италия» и «Римская Палестина»); «Заключение»; достаточно обширная «Библиография» и указатели.

Автор рассматривает дворец как с функциональной точки зрения, так и с архитектурной, указывая на зависимость архитектурных форм от функционального назначения сооружения. Основное внимание уделяется (что естественно) царским дворцам, но в качестве отдельного сюжета в книге описываются также дворцы местных правителей и частные дворцы, которые,

³² Штаерман Е.М. Античность в современных западных историко-философских теориях // ВДИ. 1967. № 3. С. 11 сл.

³³ Quigley C. *The Evolution of Civilizations*. N.Y., 1961. P. 128, 168–170.

по мнению автора, являются бледным отражением царских, но типологически они близки и их можно рассматривать вместе.

Естественно, что во «Введении» И. Нильсен дает свое толкование основных терминов, таких, как дворец и эллинизм. В понимании первого из терминов она следует А. Джулиано: «...con palazzo si indicò qualsiasi residenza, anche non necessariamente dinastica, perchè investita di una precisa funzione di interesse politico»¹. Указывая на амбивалентность термина «эллинизм», автор делает основной упор на характер культуры. При этом особо подчеркивает добровольность принятия элементов греческой культуры местным населением Востока. Подобное понимание вызывает определенные сомнения, поскольку сам дворец автор рассматривает не только как определенную архитектурную форму, но и как особый социополитический институт.

Кроме того, И. Нильсен отмечает важность данной темы и указывает, что она давно уже интересовала исследователей, но еще не нашла, с ее точки зрения, удовлетворительного решения. Особенно она подчеркивает, что эллинистические дворцы исследовались главным образом с эллиоцентрической точки зрения и тем самым недооценивались восточные прототипы эллинистических дворцов. Для нее несомненно, что эллинистические дворцы имеют свои истоки на Востоке, но она обращается при анализе только к дворцам нововавилонского и позднефараоновского времени, так как лишь они были известны Александру и его непосредственным преемникам. Думается, что автор несколько лукавит, говоря о недооценке восточных истоков эллинистического дворца, поскольку после исследований П. Бернардом дворца в Ай-Ханум² идея о переднеазиатском генезисе эллинистических дворцов приобрела достаточно широкое распространение и открытых выступлений против нее, насколько нам известно, не было.

С некоторыми извинениями автор указывает на то, что включила в свою работу и римский материал, но считает это правильным, так как римские дворцы – продолжение единого эволюционного ряда³. Автор, естественно, начинает с исследования функциональной сущности дворца, указывая, что основные источники по этой проблеме – письменные. Лучше знакома нам дворцовая жизнь при дворе Александра Македонского и Птолемея, об остальных дворах сведений гораздо меньше. И. Нильсен, стремясь к более четкому выражению своих идей, составила специальную таблицу (с. 14), в которой сведены воедино данные об известных ей дворцах с указанием тех функций, которые они выполняли, и того, как эти функции находили свое выражение в архитектуре сооружения.

Переходя к конкретному анализу функций дворца, автор делает перед этим несколько вводных замечаний. Прежде всего она выделяет два основных типа царской власти эллинистической эпохи: «национальную» монархию Македонии и «персональные» монархии Птолемея, Селевкидов и Атталидов. Разница между ними заключалась прежде всего в том, что второй тип в значительной мере основывался на ахеменидских традициях, пришедших через посредство двора Александра Македонского. Хотя мы не очень хорошо осведомлены об ахеменидском дворцовом ритуале, мы знаем, что греков, которые бывали в персидских столицах, более всего поражали две вещи: фантастическая по греческим меркам роскошь и обряд проскинезиса.

Основное обоснование «персональной» монархии – факт завоевания. Местное население не имело тех прав, которыми обладали греки и македоняне. Царь обладал политической, религиозной, военной, юридической, исполнительной и законодательной властью. Исходя из этого «Диотоген» Псевдо-Пифагора дает следующее определение: «Долг царя – тройной: военное предводительство, распространение справедливости и культ богов» (Stob. Eccl. IV. 7. 62). В других источниках царь определяется как «одушевленный закон». В связи с этим очень важной была функция возвеличивания царя. Этому служил как династийный культ, так и культ божеств – покровителей царя или династии. В этом также сказывались традиции Востока, для которого была характерна идея божественной природы царской власти.

Рассматривая отдельные функции и их проявление, И. Нильсен начинает с царских аудиенций. Приемный зал, естественно, был самым большим помещением дворца, а главный вход в него напоминал вход в храм. Более поздняя базилика, используемая и римскими императорами, и христианской церковью, восходит к приемному залу эллинистических царей. Некоторые массовые аудиенции проводились на открытом воздухе, для чего служил пе-

¹ Giuliano A. Palazzo // EAA. V. Roma, 1963. P. 851.

² Bernard P. Les traditions orientales dans l'architecture greco-bactrienne // Journal Asiatique. 1976. P. 245–275.

³ В сокращенном виде эта часть книги была уже опубликована (Nielsen I. From Periphery to Centre: Italic Palaces // Centre and Periphery in the Hellenistic World / Ed. P. Bilde, T. Engeberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle and K. Randsborg. Aarhus, 1993 (Studies in Hellenistic Civilization, IV). P. 210–229).

ристый двор дворца, располагавшийся перед приемным залом. Иногда такие церемонии происходили и вне дворца. От приемного зала мог отличаться зал, где царь заседал со своими ближайшими советниками. Это помещение служило и тронным залом.

Другая важная социальная функция дворца связана с проведением царских пиров. На обычных пирах происходили встречи с важными гостями, двором и избранными подданными (в частности, с интеллектуалами, связанными с двором). Иногда устраивались очень большие пиры для армии. У нас имеются описания и тех и других, особенно времени Александра Македонского. Залы для пиров могли быть самые различные (в зависимости от числа участников и характера пира).

Религиозная функция также была присуща царскому дворцу. В его пределах обычно находились храмы и святилища. Естественной частью дворцового комплекса были частные покои царя и его семьи. Дворцы могли иметь свою собственную фортификацию (хотя это и не всеобщее правило). Но с дворцами всегда связаны казармы для солдат и арсеналы. Административная функция находила свое выражение в наличии в пределах дворца помещений для чиновников, архивов, наконец, сокровищницы. Однако эта функция характерна не для всех известных нам дворцов. Обязательным элементом дворца являлись склады, кухни, жилища слуг.

Иногда во дворце эллинистического правителя особо подчеркивалась «эллинофильская» функция, стремление показать свою связь с миром греческой культуры. В результате этого в пределах дворцовых комплексов появляются театры, библиотеки, палестры, музеи и ипподромы. Кроме того, обычным было наличие при дворце садов, парков, павильонов – в этом проявлялась рекреационная функция.

Рассматривая вопрос о тех «моделях», которые дал Передний Восток эллинизму (II глава), И. Нильсен начинает с Египта. В то время, тогда Александр прибыл в Египет, видимо, функционировал только дворец фараона Априя (588–563 гг. до н.э.). Он продолжал существовать еще при Птолемеи I. Возможно, он оказал некоторое влияние на устройство дворца в Александрии.

Иная ситуация наблюдалась в Вавилонии. Во времена Александра в Вавилоне имелось три дворца, построенных Навуходоносором. Эти дворцы повлияли на строительную деятельность Ахеменидов и позднее могли сказаться на процессе создания эллинистических дворцов. Вполне вероятно, что они оказали влияние еще на старые македонские дворцы, построенные до Александра. Археологически засвидетельствованы некоторые перестройки в них в эллинистическое время.

Ахеменидские дворцы довольно различны по своему устройству. Дворец в Пасаргадах – это скорее всего еще экспериментальная стадия. Наиболее полное воплощение идея ахеменидского дворца находит во дворце в Сузах. Несмотря на все различия ахеменидские дворцы имеют также некоторые общие черты: большая искусственная платформа, которая возвышает дворец над окружающим пространством, к платформе ведет монументальная лестница, обязательен торжественный портал. Другая характерная черта – наличие отдельно стоящего гипостильного зала, окруженного с четырех сторон портиками. Неотъемлемая часть дворцового комплекса – большой парк (парадиз). Имелись также маленькие садики в самих дворцах. Они служили не только для отдыха: трон мог быть вынесен в портик, и торжественные церемонии могли иметь место в этом саду. Там могли происходить и пиры (под специально устроенными шатрами).

Второй вариант ахеменидского дворца – дворцы сатрапов и других местных правителей. Они также могли оказывать влияние на эллинистические дворцы. О многих из них сохранились свидетельства в письменных источниках, но археологических материалов не очень много. Информация происходит главным образом из Анатолии, в меньшем масштабе – из Сирии, Палестины и с Кипра. В Лахеше (Палестина) раскопан один из таких дворцов. Хотя до недавнего времени его дата была определена неверно, теперь, по мнению И. Нильсен, можно твердо считать, что первый период его существования относится к персидскому времени. Автор обращает особое внимание на сходство его устройства с известным памятником в Дахан-и Гуламан (Систан). В сирийском регионе сохранились, хотя и в очень фрагментарном состоянии, остатки нескольких подобных дворцов. В Анатолии также было несколько дворцов. О них, в частности, сообщает Ксенофонт. Но археологические материалы для суждения о них чрезвычайно скудны. Автор приводит в качестве примера дворца местного правителя дворец в Мурло (Этрурия), который, по ее мнению, создан под сильным персидским влиянием.

В Греции в сущности не было возможностей для создания дворцовой архитектуры (за исключением, может быть, Македонии). Возможно, на характер дворцовых комплексов эллинистического времени могли повлиять такие типы греческого общественного здания, как пританейон. Возможно также влияние очень богатых домов Эретрии позднеклассического

времени. Сицилия представляет особый интерес как область, где почти постоянно существовала тирания, а дворец тирана теоретически можно считать одним из истоков эллинистического дворца, однако археология практически ничего не дает для суждения по этому вопросу, хотя письменные источники позволяют предполагать некоторое влияние Персии. Известно, например, что в Реги Дионисий создал парадиз.

И. Нильсен обращает внимание на то, что влияние Востока (в частности Персии) на греческую архитектуру началось еще в классическую эпоху. Примерами этого являются типичные для Персии гипостильные залы. Она также указывает, что древнейшие примеры перистилия можно привести из архитектуры Восточного Средиземноморья, и считает, что дворец оказал решающее воздействие на рождение этой формы в Греции.

В отношении этой главы можно сделать три критических замечания. Первое, автор совершенно не знает литературы на русском языке и поэтому не использует результаты археологических исследований в Средней Азии, где был открыт по крайней мере один дворец местного правителя ахеменидского времени⁴. Второе касается Дахан-и Гуламана. Когда автор упоминает этот городской центр, то он явно имеет в виду здание № 3. Однако для того чтобы использовать его (хотя бы как сравнительный материал), необходимо доказать, что оно служило дворцом. Этого, к сожалению, не сделано. Между тем все исследователи, занимавшиеся этим вопросом, считают данное здание сакральным по назначению⁵. В силу этого все построения автора оказываются бездоказательными. Отметим также, что незнание русской археологической литературы приводит к тому, что И. Нильсен проходит мимо действительных аналогий ахеменидским дворцам, которые были обнаружены и исследованы в Бактрии и которые бесспорно относятся к ахеменидскому времени. Мы имеем в виду памятник Алтын 10 (объекты 1 и 2)⁶. Наконец, последнее замечание по этой главе касается сюжета с дворцом в Мурло. Не будем говорить о весьма малой вероятности, с точки зрения общеисторических соображений, создания этого дворца в соответствии с ахеменидскими прототипами. Гораздо важнее другое. И. Нильсен согласна с датировкой его временем около 590 г. до н.э. Но в это время никакой ахеменидской архитектуры просто не существовало. Каким образом была сделана эта ошибка, понять невозможно.

Основная часть книги начинается с третьей главы, посвященной дворцам Македонии. Автор справедливо указывает, что, хотя свидетельства о существовании дворцов в более раннее (доэллинистическое) время бесспорны, их археологические остатки еще не обнаружены. Но эллинистическая эпоха представлена большим количеством дворцов, как царских, так и частных. Это очень важно для этого исследования, поскольку дает одну из отправных точек для понимания эволюции эллинистического дворца в целом.

Дворец в Эгах характеризуется большой ролью залов для пиров (что естественно, учитывая, какую роль они играли в жизни верхних слоев македонского общества), а также очень тесной связью официальной и жилой частей сооружения. В Пелле обнаружено два комплекса, которые могут считаться дворцами. На акрополе находился дворец, который был построен еще при Архелае, существовал при Филиппе II и был кардинально перестроен при Филиппе V. В нем имелись: приемный зал, несколько перистильных дворов (некоторые использовались для официальных целей, другие входили в состав собственно жилой, один – административной части), в пределах дворца располагались небольшие святилища со статуями предков царя, рядом находился театр. Большое здание дворцового типа в центре города (так называемый дом Диониса), видимо, использовалось не самим царем, а его друзьями. Часть его была предназначена для официальных церемоний.

Дворец в Деметриаде был построен Деметрием Полиоркетом в начале III в. до н.э. Он почти не сохранился, так как на его месте при Филиппе V был построен новый. Он располагался рядом с цитаделью и имел собственные укрепления с четырьмя башнями по углам.

Подводя итоги рассмотрению дворцов Македонии, И. Нильсен отмечает несколько их

⁴ Мы имеем в виду дворец на городище Калалыгыр. См. *Panonopt Ю.А., Липуров-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. // *Материалы Хорезмской экспедиции.* 1963. Вып. 6.

⁵ *Scerrato U.* Excavations at Dahan-i Ghulaman (Seistan-Iran). First Preliminary Report (1962–1963) // *East and West.* 1966. T. 16. № 1–2. P. 9–30; *idem.* L'edificio sacro di Dahan-i Ghulaman (Sistan) // *La Persia e il mondo greco-romano.* Roma, 1966. P. 457–470; *idem.* Evidence of Religious Life at Dahan-i Ghulaman, Seistan // *South Asian Archaeology.* 1977 / Ed. M. Taddei. Napoli, 1979. P. 709–735; *Genito B.* Dahan-i Chulaman: una città Achemenide tra centro e periferia dell'impero // *Oriens antiquus.* 1986. V. XXV. Fasc. 3–4. P. 287–316.

⁶ *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 116–127.

основных особенностей: 1) расположение на возвышенности, что обеспечивало контроль над городом, 2) относительно небольшие размеры, 3) наличие ряда перистильных дворов, использовавшихся для различных целей, что напоминает устройство передневосточных дворцов, 4) облик дворцов, который должен был производить впечатление величественности, что достигалось, в частности, наличием монументального входа (в этом отношении македонские дворцы походили на восточные), эти входы похожи на монументальные фасады македонских царских гробниц, 5) наличие садов в пределах дворцовых комплексов, 6) обязательное наличие пиришественных залов, которые были богато украшены, при этом сам характер декора заимствовался из зданий сакрального назначения.

Резко отличает эти дворы от азиатских наличие рядом с ними часто театра. В целом царские дворцы Македонии имеют малое сходство с ахеменидскими, что объясняется иным статусом царя. И. Нильсен придает особое значение тому обстоятельству, что при Филиппе V было построено несколько дворцов, она ставит это в связь с его политикой усиления абсолютистского начала в македонской монархии. В связи с этим она также особо останавливается на функциях «Дома Диониса» в Пелле, считая, что превращение его в специальную резиденцию «царских друзей», куда они были переселены из дворца, также представляет собой одно из звеньев в этой политике. Необходимо, однако, указать, что идеи и о таком функциональном назначении данного здания, и о переселении царских друзей – не более чем гипотезы, ничем всерьез не подкрепленные.

Глава IV посвящена дворцам Пергамского царства. И. Нильсен указывает, что наиболее сложная проблема в отношении этих дворцов – выяснить, какие именно здания на акрополе Пергама входят в состав собственно дворцов. Ранние здания не сохранились. Видимо, бесспорно к дворцовым сооружениям надо отнести так называемую *Vaugruppe IV–V*, датируемую первой половиной II в. до н.э. Хотя и здесь сохранность сооружений достаточно плохая, можно отметить наличие ряда перистильных дворов. Важным обстоятельством автор считает наличие на акрополе ряда сооружений, предназначенных для выполнения различных функций, связанных с царской властью: храмов, арсенала, большого административного корпуса, библиотек, музея, театра. Автор подчеркивает очень большое сходство с Македонией, хотя не исключает влияния древних местных анатолийских традиций.

В главе V исследуются дворцы царства Селевкидов. В пределах этого государства имелось несколько дворцов, построенных в предшествующее время (в Сардах, Вавилоне, Экбатанах, Сузах), которые использовались без больших переделок, а также несколько дворцов было построено самими Селевкидами. К числу царских дворцов относятся дворцы в Антиохии на Оронте, Селевкии на Тигре и в Апамее. К сожалению, о них очень мало что известно. Имелся также загородный дворец в Дафне, упоминается в источниках и укрепленный дворец возле Антиохии, построенный Селевком II.

Несколько больше информации имеется о дворцах местных правителей, которые (в отличие от царских дворцов) изучались и археологически. В Дура-Европос, по мнению автора, существовало два дворца: так называемый «дворец на редуте» и дворец в цитадели. Первый из них был построен в середине III в. до н.э. Позднее к нему был добавлен храм Зевса Мелихия, с которым дворец соединялся перистильным двором⁷. Этот дворец очень близок дворцу в Лахише (в Палестине), который еще функционировал в раннеэллинистическое время. Сходство состоит в том, что он располагается в самой возвышенной части города, андрон находился в южном крыле здания, официальная часть – в западной. Имеются черты некоторого сходства с рядовыми жилыми домами Вавилонии этого времени. Видимо, общая схема этого дворца восходит к царским дворцам Селевкии и Антиохии.

От раннего дворца в цитадели Дура-Европос практически ничего не сохранилось. Второй же (на том же месте) был возведен в первой половине II в. до н.э. Он состоял из двух частей: одна из них – с перистильным двором в центре – по своему устройству явно греческая, вторая, сохранившаяся гораздо хуже, видимо, была выполнена в традициях месопотамской архитектуры⁸.

Еще одна резиденция местного правителя исследовалась в Ниппуре. По мнению автора, этот дворец был построен около 250 г. до н.э. Для обоснования датировки особое внимание уделяется угловым колоннам перистиля, имеющим в плане форму сердца. Автор указывает, что

⁷ И. Нильсен следует здесь выводам В. Хёпфнера и Э.-Л. Швацнднера: *Hoepfner W., Schwandner E.-L. Haus und Stadt in klassischen Griechenland (Wohnen in der klassischen Polis I)*. München, 1986. Abb. 216.

⁸ В его реконструкции автор следует С. Дауни (*Downey S. The Citadel Palace at Dura-Europos // Syria*. 1986. 63. P. 27–37).

подобные колонны характерны именно для раннеэллинистического времени⁹. Заключая раздел о селевкидских дворцах, И. Нильсен обращается к дворцу в Ай-Ханум, который она описывает, следуя П. Бернару, добавляя только одну мысль: дворец первоначально был резиденцией сатрапа и только позднее превращен в царский. Она также обращает внимание на то, что Ай-Ханум дает пример самого раннего использования портика так называемого родосского типа в перистиле.

Подводя итоги рассмотрения селевкидских дворцов, автор отмечает, что в архитектуре сказалось взаимодействие многих традиций. Функционально дворцы повторяли свои восточные (вавилонские, ахеменидские и северосирийские) прототипы. Греческий элемент доминирует только во внешней, декоративной стороне. Исходя из этого она считает, что эллинизация в Селевкидском государстве была поверхностной. Новая династия предпочитала архитектуру своих предшественников.

По поводу данной главы необходимо отметить следующее. Традиционно автор не использует материалы Средней Азии, хотя некоторые памятники, обнаруженные в данном регионе, обязательно должны быть включены в общую сводку. Мы имеем в виду в первую очередь дворцовый комплекс в Саксанохуре¹⁰. Думается также, что задача о поверхностной эллинизации не может быть поставлена и решена на основе именно дворцовых сооружений. Они создавались не для представителей местного населения, а для царей, которые имели македонское происхождение и греческую культуру. Ставить вопрос об их эллинизации – по меньшей мере некорректно. Наконец, отметим, что автор на с. 125 строителем дворца в Ай-Ханум называет Евкрата, а не Евкратиду, как было бы правильно.

Глава VI посвящена дворцам Птолемеевского царства. Автор указывает, что Птолеми, в отличие от Селевкидов, не использовали дворцов своих предшественников. Главный дворец находился, естественно, в Александрии, еще один, менее важный, заменивший по своим функциям дворец Априя, – в Мемфисе. Относительно дворца в Александрии в нашем распоряжении достаточно много литературных свидетельств, но полностью отсутствуют археологические материалы. На основании письменных источников можно сделать вывод, что этот дворец выполнял весь набор функций, о которых говорилось выше. Особо И. Нильсен напоминает, что в пределах дворца находился герон династии. В описании дворца Азта в «Аргонавтике» Аполлония Родосского отразилось впечатление от александрийского дворца. Важно сделанное Калликсеном (и сохраненное Афинеем) описание павильона Птолемея II, построенного для празднования в честь Диониса, а также плавучего дворца.

Целый ряд черт, например большое место, занимаемое в общем комплексе парками, безусловно, вдохновлено персидскими традициями. Идея павильона также пришла от персов. Дворцы местных правителей в отличие от царских представлены и археологическими остатками: сохранилось два дворца, которые явно сооружены под влиянием птолемеевской дворцовой архитектуры. Один из них – дворец Гиркана в Трансиордании (современное название – Арак эль-Эмир). В начале II в. до н.э. была сделана первая постройка, но никогда полностью он окончен не был, так как после смерти Гиркана (169/168 г. до н.э.) эта территория перешла к Селевкидам. Дворец располагался в огромном парке, он имел два этажа и был очень компактен. По мнению автора, этот дворец напоминает укрепленные резиденции в Шахр-и Кумысе, а также имеет сходство с такими памятниками, как Бабиш-Мулла и Саксанохур.

Очень хорошо сохранился дворец в Птолемаиде (в Киренаике) – явное подражание птолемеевским дворцам. Построен он в I в. до н.э. Хотя позднее к первоначальному сооружению многое было добавлено, эллинистическая основа его несомненна, несмотря на стремление некоторых исследователей отнести его целиком к римской эпохе. Автор особо выделяет следующее: наличие парка, двух перистильных дворов, апсидальных помещений, использовавшихся для религиозных целей. В целом это сооружение, по ее мнению, очень напоминает македонские дворцы.

В Египте эллинистического времени стали строить и частные дома представителей высшего класса, которые могут быть названы дворцами.

Подводя итоги, И. Нильсен подчеркивает, что птолемеевские дворцы лучше определять (в силу их размеров и обилия функций, присущих им) термином «дворцовый комплекс», а не просто дворец. Она отмечает сильное влияние предшественников, в первую очередь персидской дворцовой архитектуры; менее вероятно, но также возможно, влияние египетских прототипов. В то же время большое число перистильных дворов и их важная роль в общей композиции

⁹ Со ссылкой на кн.: *Lauter H. Die Architektur des Hellenismus. Darmstadt, 1986. S. 281.*

¹⁰ *Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.Ю. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // СА. 1969. № 2.*

приходят из греко-македонской архитектуры (в частности, от ранних дворцов Македонии). Сакральные элементы составляли интегральную часть комплексов. Резко отличается дворец в Александрии от его предшественников сильная «культурная» составляющая в системе функций дворца, присутствующая в нем с самого начала. С точки зрения организации городского пространства в Александрии дворец, а не агора представлял собой подлинный центр города.

По поводу данной главы необходимо сделать некоторые критические замечания. Как мы уже отмечали, видимо, самым слабым местом в данной работе является незнание русской археологической литературы, что приводит к тому, что основная часть необходимых автору материалов, происходящих с восточной периферии эллинистического мира, остается неизвестной и неиспользованной. То же самое можно сказать и о данной главе. В предыдущей главе И. Нильсен не использовала результаты исследований Саксанохура, хотя именно они там и были необходимы, в данной главе она их (а также результаты раскопок Бабиш-Муллы) привлекает, хотя они не имеют никакого отношения к рассматриваемым ею сюжетам. Это приводит вследствие того, что она использует их не непосредственно, а через работу М. Коллиджа¹¹, которая не может считаться шедевром научной мысли и где очень много путаницы.

Глава VII книги называется «Иудея». Автор объясняет причину того, почему данный сюжет является объектом особого рассмотрения: с 168 по 63 г. до н.э. этот район был независим, и именно этот период лучше документирован (особенно археологически), чем другие. В силу этого дворцы Иудеи эпохи позднего эллинизма представляют собой особое явление, отличное как от селевкидских, так и от птолемеевских дворцов. К сожалению, важнейший памятник эпохи – Иерусалимский дворец – археологически не изучен, хотя литературные данные о нем сохранились в значительном числе. Археология представляет материалы по двум дворцам: зимнему дворцу в Иерихоне и дворцу местного правителя около Мариссы (современное название его руин – Телль-Юдейя), сохранившемуся гораздо хуже. Первый из них был, вероятно, построен Гирканом I. Он располагался в большом парке. Укрепленная часть его выполнена из камня, остальная – из кирпича-сырца. Очень большие перестройки имели место при Александре Янае (пришел к власти около 103 г. до н.э.), а затем – при его вдове. Можно полагать, считает автор, что во дворце в Иерихоне, поскольку он не был главным дворцом государства, отсутствовали некоторые важные элементы. В архитектуре его господствует смешение восточных и западных черт. В конечном счете его устройство восходит к персидским образцам, но через посредство Александрии и, возможно, Антиохии. Важнейший элемент дворцов Пергама и Македонии – перистильный двор – в Иерихоне отсутствует. Другой важной особенностью являются имеющиеся в нем бассейны для ритуальных омовений. Последняя фаза существования дворца демонстрирует сильную «эллинизацию» его устройства.

В главе VIII объектом исследования является Италия последних двух веков до н.э. и самого начала нашей эры. В республиканское время в Италии, естественно, не могло быть царских дворцов, но имелись частные жилища (в том числе в Риме и в Помпеях), которые с точки зрения своих размеров и роскоши внутреннего убранства сравнимы с эллинистическими дворцами. У Цезаря были обширные планы по созданию своей официальной резиденции, но они не были осуществлены. Эпоха создания настоящих официальных дворцов начинается только со времени Августа. После краткого описания первоначального устройства его дворца и переделок при последующих правителях И. Нильсен ставит вопрос: что послужило «моделью» для него? С ее точки зрения, ответ совершенно бесспорен, – конечно, эллинистические дворцы. Давая краткий очерк знакомства римлян республиканской и раннеимператорской эпох с эллинистическими дворцами, она особо выделяет александрийский образец как наиболее вероятный для подражания. Дворец Августа на Палатине, видимо, представляет собой пример дворца переходного типа: от дворца, характерного для «национальных» монархий, к дворцу, типичному для монархий абсолютистического типа. В нем можно отметить очень скромную частную часть и соединение вместе частных и официальных элементов, что типично для дворцов первого типа. В то же время в нем уже появились те элементы, которые необходимы для осуществления публичных и религиозных функций, что характеризует дворцы второго типа. Конечный результат этой эволюции дают дворцы Нерона и Домициана.

Последняя, IX глава посвящена римской Палестине. Особенно много построек, в том числе и дворцовых, было создано при Ироде Великом (37–4 гг. до н.э.). Его главный дворец в Иерусалиме не сохранился. Недавно был открыт дворец в Кесарее. Однако самый ранний из его дворцов – в крепости Массادا. Там было построено два дворца, превративших крепость в

¹¹ Colledge M.A.R. The Parthian Period (Iconography of Religions. XIV. 3). Leiden, 1986.

обширный дворцовый комплекс. При всем своеобразии архитектуры этих сооружений невозможно не видеть очень сильного римского влияния.

В «Заключении» И. Нильсен подводит итоги своего исследования. Она указывает, что одной из основных задач его было восстановление места эллинистического царского дворца как одного из главных культурных центров и «культурных медиаторов» этого периода. В современной науке основное внимание уделяется полису, и поэтому значение дворца явно недооценивается, что совершенно не правильно, так как дворец и полис представляют собой два полюса эллинистического мира.

Полис – это хотя и важная, но преходящая фаза в истории доиндустриального общества, для которого основной политический феномен – это монархия и соответственно неотделимый от нее дворец. Полису предшествовали и за полисом последовали общества, где основную роль в развитии искусства, архитектуры, науки и образования играли дворцы.

Основное внимание в книге уделялось архитектуре, но эта архитектура отражает полифункциональность дворца. Главной задачей было исследование царских дворцов, и хотя определенное внимание уделялось дворцам местных правителей, это было лишь средством лучше понять собственно царский дворец. Первая задача дворца (особенно дворца только что добившейся власти династии) – показать всемогущество и всеприсутствие царя, подчеркнуть его превосходство над подданными, но в то же время продемонстрировать и то, что царь легко сможет «снизойти» до своих подданных. Среди архитектурных средств, использовавшихся для этого, – расположение здания над городом, его подчеркнутое богатство, лестницы, ведущие к нему, порталы и вестибюли. Особое внимание уделялось входам, которые символизировали связь суверена с подданными. Вход выглядел как театральная сцена. Мы можем понять эффект этого благодаря дворцу Ирода в Палестине, дворцу Августа в Риме и некоторым святилищам.

Дворцы местных правителей, как и частные дворцы, в таких особенностях не нуждались. У них более простые входы, они меньше, часто практически полностью были закрыты для людей, не имеющих отношения к этому дворцу. В устройстве дворца мы можем видеть выражение монархических идей, при этом надо помнить, что в это время существовало два вида «монархии»: «национальная» (ограниченная) и новая «персональная» (абсолютная). Последняя была создана по персидской модели. Дворцы персональных монархий (Ай-Ханум, Пергам, Александрия, Антиохия) – очень роскошные, очень монументальные, с отдельными частями для каждой из функций.

Дворцы «национальных» монархий были лишены большинства этих черт. Обычно они занимали достаточно скромный участок земли, и мы нередко находим соединение официальной и жилой функций, иногда даже в одном и том же здании, часто имеется относительно небольшой двор, отсутствуют большие сады и парки, в пределах которых располагаются сами дворцы. Те же черты характеризуют дворцы местных правителей. Изучение приемных залов царских дворцов показывает, что размеры их во дворцах «национальных» монархий много меньше, чем даже в приемных залах местных правителей монархий абсолютистского типа (или даже в частных дворцах).

И в Македонии, и в Палестине, кажется, можно видеть развитие от «национальной» монархии к «персональной», что находит свое отражение и в дворцовой архитектуре: дворец в Эгах – проще и меньше, чем дворец в Пелле. В Палестине мы видим ту же самую тенденцию. Но здесь вдобавок сказывается еще и влияние Рима.

Функции, которые выполнял дворец, определяли характер его устройства. Чем больше было число этих функций (по мнению И. Нильсен, они делятся на девять групп) и чем большей была их дифференциация, тем больше и сложнее был дворец. Автор попыталась представить графически соотношение функций дворца и его устройства (табл. 115). Она приходит к выводу, что эллинистические царские и ранние императорские дворцы Рима выполняли много функций, иногда были представлены все девять групп. Их прообразы (модели) обычно имели несколько меньше функций. В частности, отсутствовали публичные функции, большинство из которых были нововведением эллинистической эпохи. С другой стороны, отсутствие некоторых религиозных элементов в этих моделях, таких, как наличие храмов богов-покровителей и династических святилищ, отражает только то обстоятельство, что святость власти вавилонских, египетских и персидских царей находила иное выражение. Вследствие особых черт еврейской религии, эта функция не находила своего выражения во дворцах Палестины.

Во дворцах местных правителей и частных дворцах здания общественного назначения, большие парки и сооружения религиозного характера, как правило, отсутствуют. Та часть дворца, которая была связана с выполнением официальных функций, естественно, менее развита. Дворцы местных правителей обладают большим набором функций, чем частные дворцы.

Фиксируется определенная разница и внутри группы больших царских дворцов: главные дворцы имеют больше функций, чем, например, загородные дворцы, у которых превалирует рекреационная функция. Династические святилища имеются в дворцах абсолютных правителей и отсутствуют во дворцах представителей «национальных» монархий. Первый вариант обладает большим числом функций, чем второй.

В целом, считает автор, не существовало единого типа эллинистического дворца. Дворцы служили отражением идеологии монархий, которые их строили и которым они служили. В связи с этим встает вопрос о предшественниках, которые могли быть различными. Наибольшее впечатление на греков оказал персидский двор. Они знали его долгое время и очень близко. Поэтому естественно, что многое из обычаев этого двора мы находим при дворах эллинистических правителей. К этому добавилась публичная функция, взятая у полиса.

Эллинистическая культура, по мнению И. Нильсен, не имела унифицированного характера. В частности, это проявляется и в исследуемой ею сфере: устройство дворцов было восточным, а весь архитектурный декор оставался греческим. Культура верхних классов эллинистического мира не была единой, но определялась государством, так как, по мнению И. Нильсен, главную роль в создании эллинистической культуры на Востоке сыграли царские дворцы. Чем «ниже» располагался социальный слой, тем слабее были следы греческого влияния. Культурное койне возникло только в эпоху империи.

«Заключение», где автор суммирует свои наблюдения и связывает отдельные выводы с общеисторической картиной, также вызывает определенные критические замечания. Из более конкретных замечаний отметим, что попытка выразить графически и в цифровой форме публичную функцию дворца не кажется нам очень удачной. Прежде всего, мы совершенно не знаем размеров приемных зал дворцов Александрии и Антиохии, следовательно, мы не знаем одного из полюсов шкалы, и поэтому все сравнения имеют очень относительную ценность. Огромные цифры создаются за счет дворцов предшествующей эпохи, если же сравнить примерно одновременные дворцы [дворец в Пелле (приемный зал – 400 м²), в Птолемаиде (227 м²) и третий зимний дворец в Иерихоне (551 м²)], то размеры их оказываются достаточно близкими. Кроме того, нельзя забывать и масштабов страны, в которой располагался дворец. Естественно, что приемные залы дворцов персидских царей должны были быть больше, чем дворцы правителей Иудеи.

С этой же проблемой связан и другой вопрос. Как кажется, относительную скромность дворцов Антигонидов по сравнению с дворцами Птолемеев и Селевкидов нельзя объяснять только различием в природе монархии. Необходимо брать в расчет и финансовые возможности каждого из государств. Бесспорно, что у Македонии они были ниже, чем в Египте и царстве Селевкидов.

Из более общих проблем, поднятых в этой части работы, как нам кажется, необходимо коснуться двух. Совершенно не ясно, почему автор, заканчивая рассмотрение собственно эллинистических дворцов, дальнейшую перспективу их развития прослеживает только в Риме и Палестине. Значительный материал для анализа этой перспективы дают и дворцы, построенные на Востоке прямыми преемниками эллинистических царей: парфянами и кушанами. Для автора, столь активно выступающего против эллиноцентризма, подобное игнорирование постэллинистического Востока кажется непростительным.

Нельзя согласиться и с тезисом И. Нильсен об определяющей роли дворца в создании эллинистической культуры. Этот тезис настолько расходится с тем, что нам известно по этому поводу, что, думается, нет необходимости специально его испаривать. Картина была не столь однозначной, как полагает И. Нильсен. Александрийский царский двор, конечно, был одним из таких культурных центров, но ничего похожего мы не наблюдаем в Антиохии. Важнейшим центром культуры продолжали оставаться Афины. Для создания культурного койне вовсе не нужно было ждать установления римской власти.

Подводя итоги, можно сказать, что данная работа имеет определенную ценность. Автор собрал и обобщил очень значительный материал, правда, к сожалению, не весь. За пределами ее анализа осталась некоторая часть материала, происходящего с востока эллинистического мира, что объясняется практически абсолютным незнанием русской научной литературы. Целый ряд наблюдений и выводов автора, безусловно, заслуживает внимания, хотя излишнее увлечение темой привело, как нам кажется, к не совсем верному смещению акцентов в заключительной части исследования.

Г.А. Кошелев